

МАРИЯ МЕТЛИЦКАЯ

СЛАБАК

Часть сборника: На круги своя (сборник)

Мария Метлицкая

Слабак

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=24917782

На круги своя : [сборник] / Мария Метлицкая: Э; Москва; 2017

Аннотация

«Человек, который презирает себя, всегда презираем другими. Так что все правильно. По заслугам. Сам выстроил свою жизнь и судьбу. Судьба – это характер, характер – это судьба. У Алексея ничего в жизни не получилось. Ни-че-го! А ведь какие надежды подавал! Правда, давно – в детстве и ранней юности. Говорили – талант. Правда, так считала лишь родня – мама, отец. И конечно же, Тёпа. Разумеется, никакой он не талант. Но способности были. Надежды, способности... И где это все? Вот где? В какие бездны кануло? Куда? Неизвестно...»

Мария Метлицкая

Слабак

Человек, который презирает себя, всегда презираем другими. Так что все правильно. По заслугам. Сам выстроил свою жизнь и судьбу. Судьба – это характер, характер – это судьба. У Алексея ничего в жизни не получилось. Ни-че-го! А ведь какие надежды подавал! Правда, давно – в детстве и ранней юности. Говорили – талант. Правда, так считала лишь родня – мама, отец. И конечно же, Тёпа. Разумеется, никакой он не талант. Но способности были. Надежды, способности... И где это все? Вот где? В какие бездны кануло? Куда? Неизвестно...

Пыль, туман – испарились. Нужен характер – вот это и есть главная правда.

Не зря говорят: характер – это судьба.

А характера не было... Совсем. Слабак, он и есть слабак, таким и останется.

По счастью, Надежда, жена, ни разу не видела, как он плачет. Сядет на бортик в ванной, воду посильнее и – ревет. Мужчины не плачут, мужчины огорчаются. А он – ревел.

А что обижаться на правду? Жена не должна говорить такие слова?

Не должна, правильно. Но и мужик не должен быть слабаком! Так получается?

Ну, и все остальное: не оправдал ее надежд, нечем гордиться, а вот у других... и т. д. и т. п.

И снова права! Умная баба, в этом ей не откажешь. Умная, сильная.

А что правду-матку лепит в глаза – так она всегда ее лепит! Всем и всегда. Характер такой. Нрав крутой, это да.

Алексей однажды слышал, как она дочери говорит: «Все в жизни уравновешено. Рядом с сильными – слабые. Так и у нас. Да и потом, – тут она рассмеялась, – будь на месте твоего отца настоящий мужик... Да разве бы мы ужились? Лбами бы бились не на жизнь, а на смерть».

Всю жизнь Алексея мучил вопрос: почему она не ушла? Красивая, умная, смелая? Мужики, глядя на нее, шеи себе сворачивали – даже когда ей было уже хорошо за сорок.

Высокая, крепконогая, широкобедрая. Волосы русые – ко-су на затылке закручивала, а та все равно распадалась – тяжелые волосы.

И брови вразлет – широкие, длинные, к вискам. Глаза серые и очень серьезные, но смешливая – рассмеется, и из глаз словно брызги.

Вернее, когда-то была смешливой.

Учились они в параллельных группах. Он помнил ее пышную юбку в синих цветах – шла она по коридору, и юбка закручивалась вокруг сильных ног. Она злилась, одергивала. А потом вдруг рассмеялась и глянула на него: «Что, может,

снять? Ткань дурацкая – липнет и липнет! Дурацкая – потому что дешевая!»

В голосе ее были злость и раздражение.

И посмотрела на него вопросительно, словно ожидая совета.

Он растерялся, почувствовал, что залился свекольным соком, выдохнул и вдруг, неожиданно для себя самого, произнес: «Если вы ее снимете, будете еще прекрасней! Я убежден!»

От удивления она широко распахнула глаза, растерялась и хмыкнула: «Смело!» Потом рассмеялась: «Думаю, это не всем понравится! Так что буду мучиться дальше!...»

Не кивнув на прощание, она снова раздраженно одернула юбку и, чертыхаясь, быстрым шагом пошла по коридору к аудитории.

...Очнулся Алексей от тычка в спину.

– Что застыл? – заржал одnogруппник Валька Петров. – Понравилась цаца? Ничего бабеч, а?

– Да ладно тебе, – смутился он. – Цаца... как цаца. Кстати, а кто она? – Алексей изо всех сил пытался скрыть волнение в голосе.

– Надька Смирнова. Не баба – огонь! Огнемет просто. Не дай бог попасть под струю! Спалит без остатка! – И Валька громко заржал. – Сибирь, батенька! Там они все такие, – тихо продолжил он и почему-то вздохнул.

Так и расстались. Только с тех пор не выходила Надя Смирнова из его головы. В коридорах всматривался, башкой вертел по сторонам – вдруг снова увидит?

Встречались, конечно, сталкивались – то в столовой, то в гардеробной, то в холле, то на объединенных лекциях.

Она как будто его не узнавала. Впрочем, кого узнавать-то? Ну перебросились фразами в коридоре, и забыла, наверное. Тоже мне – повод!

Нет, было однажды – он осмелел! Сам удивился своей прыти.

В столовой встал прямо за ней. Подвинулся – так близко, что слышал запах ее волос – едва уловимый аромат сладкого шампуня.

Надя, наверное, почувствовала его близкое присутствие и дыхание, резко обернулась и чуть покраснела.

– С юбкой порядок? – От смущения и страха он совсем «распоясался».

Она чуть сдвинула брови, словно вспоминая, и через минуту кивнула:

– Да, на помойке она! Нервомотка моя!

Но тут же отвернулась и заговорила с подругой, обсуждая, что брать на обед – щи или лапшу.

Алексей заворуженно смотрел, как она шла с подносом, выискивая свободное место. Статная, гордая. Взгляд – мимо всех.

На него Надя больше не посмотрела.

«Безнадежно, – подумал Алексей. – Где она и где я?»

На ее орбите никогда не будет таких... Робких, трусоватых, нескладных, неловких.

Да и быть не должно. У таких женщин – свои герои. Куда уж ему?..

* * *

Дом свой он любил. И семью свою тоже. Жили они в старой, даже древней, квартире – дому было под сотню лет – девятнадцатый век.

Построен он был как доходный – квартиры всегда сдавались внаем.

Квартиры были разные – большие и не очень. После экспроприации дом был поделен на коммуналки, а квартиры – на крошечные клетушки.

А им повезло – дали отдельную. Ну понятно что по «заслугам» – дед был известным физиологом, учеником Павлова.

В тридцатые деда «сохранили» – ограничились только «шарашкой».

Бабка, вторая дедова жена (первая, мать его сына, скончалась при родах), была тоже не «фунт изюму» – писала детские книжки про беспризорников, возвращенных в детских домах и попавших в «большие люди».

Власть она не славилась – искренне в нее верила, была коммунисткой яркой и убежденной.

К тому же и сама детдомовка, у которой «все получилось».

Деда Алексей не застал, а вот бабушка Анна Васильевна жила долго, до конца шестидесятых. На стене в ее комнате висели в ряд Ленин, Сталин и почему-то маршал Жуков – любимый герой. И ни одного портрета писателя у нее, собственно тоже писателя, не было.

Видимо, не нашла она среди братьев героев.

К неродному сыну, отцу Алексея, она относилась неплохо – ну, как могла. Нежности презирала, ласки и поцелуи были запрещены, баловство, разумеется, тоже. Но относилась к пасынку ровно и заботилась о нем от всего своего неласкового и строгого сердца.

Квартира была трехкомнатной плюс темная комната, как ее называли. Подростком он узнал, что это была комната прислуги. Темной, кстати, она не была – высоко под потолком находилось окошко – узкое и длинное, нестандартное, выходящее на внутренний двор.

Поначалу там хранился всякий хлам, который бабушка Анна не давала снести на помойку. А после ее смерти «темная» была очищена и разобрана – и в четырнадцать лет на законном основании там поселился Алексей.

Встали в «темную» только узкая «мальчишья» кровать, тумбочка и венский стул. Книжные полки он прикрутил

сам – что еще нужно?

Бабка Анна занимала среднюю комнату – полукруглую, окнами во двор, – самую уютную и самую теплую. После ее смерти она и стала родительской спальней.

В большой была столовая, как говорила о комнате бабка. Но функций своих она не выполняла – ели по привычке на кухне, так что столовая почти всегда пустовала – мать не любила бабку Анну, побаивалась ее и старалась без дела с ней не контактировать.

Собирались на кухне, широкой, квадратной, с окном во всю стену и огромным овальным столом. Бабка сидела во главе, всегда на своем месте – попробуй займи! Даже в ее отсутствие это в голову бы никому не пришло.

На кухне стоял темный буфет с резными дверцами и толстенными мутными стеклами, в нем держали посуду и сладости: конфеты, печенье, фрукты. Сладости контролировала бабка Анна.

Готовила мать – бабка к хозяйству отношения не имела. Сидела она в своей комнате, читала газеты, что-то записывала в свои многочисленные рыхлые блокноты и слушала радио.

В третьей комнате, самой маленькой, жили родители.

А потом появилась Тёпа.

Позже он понял: бабка Анна Васильевна была аскетом – истинной дочерью своего времени. После ее смерти, разбирая ее барахло, были обнаружены две суконные юбки – ко-

ричневая и черная. Две блузки – белая, в желтизну от стирок и старости, и темная, из серой фланели, с катышками на рукавах и воротнике. Две пары ботинок – разношенных, со сбитыми каблуками и ветхими, растрепанными шнурками. Двое нижних панталон из бязи и байки и один бюстгальтер с поломанными крючками. Пальто из коричневого драпа висело в прихожей, рядом с «пыльником» из серого сукна на пластмассовых «обкусанных» пуговицах. Там же, в прихожей, торчал вечный зонт – черный, с потертостями на спицах и деревянной ручкой с облезлым лаком.

На комод в бабкиной комнате не было ни пузырька с одеколоном или духами, ни коробочки с пудрой, ни самой скромной брошечки, ни сережек, ни колечка.

Только дешевые часы на дерматиновом ремешке. И всё!

Столешница старого тяжелого комода была накрыта не салфеткой, не скатеркой, а куском старого и мутного плестигласа, под которым хранились пожелтевшие газетные вырезки – то, что бабка считала особенно важным.

– Ничем себя не порадовала, – тихо сказала мать, складывая в мешки бабкины вещи. – Словно и не женщина жила, а что-то непонятное, природе неизвестное, что-то среднего рода.

В комнате бабки еще долго стоял запах валерьянки, затхлости и чернил – писала она только старой перьевой ручкой.

После похорон и уборки в комнату бабки Анны перееха-

ли родители. В столовой была теперь гостиная – с телевизором «Рекорд», проигрывателем «Ригонда» и горкой с гостевой посудой – вот тогда и зажили, принимая гостей почти каждые выходные – мамину многочисленную родню, отцовских сотрудников и сотрудников матери.

Но продолжалось это недолго – только до рождения Тёпы.

Тот короткий отрезок жизни семьи – между смертью бабки и рождением Тёпы – был самым счастливым.

Мать расцвела, помолодела, со лба исчезла вечная суровая складка – бабкино присутствие довлело во всем, не давая ей, молодой женщине, почувствовать себя хозяйкой.

Из дома исчезли запахи лекарств, старой одежды и обуви. Окна теперь распахивались настежь (мать обожала свежий воздух, а бабка вечно боялась сквозняков). Засверкали натертые мастикой полы, заиграли хрусталики на новой люстре – материной гордости, доставшейся с невероятным трудом и за немалые деньги.

Теперь в доме пахло пирогами, цветочными духами и жизнью. Все наконец начали *жить*.

Мать с какой-то одержимостью принялась готовить праздничные блюда – истосковалась по гостям, по общению, по веселому смеху.

Друзья родителей были людьми шумными, горластыми, вечно спорящими и с удовольствием выпивающими.

Спорили о международной политике и автопроме. Гово-

рили о книгах, спектаклях – здесь подключались, конечно же, женщины.

Потом они уходили на кухню, махнув рукой на мужей – что с них взять, опять о политике, – и там продолжали свои бесконечные разговоры: дети, свекрови, наряды...

Отец приходил с работы и с удовольствием заваливался на новый диван в бывшей столовой. «Ох, красота!» – приговаривал он, листая газету и включая на громкий звук телевизор.

«Красота, и никаких нареканий!» – повторял он, поглядывая на мать. И они как-то загадочно переглядывались и почему-то смущались.

Больше всего Алексей любил понедельник. Придя из школы, в полном одиночестве, он с удовольствием прохаживался по квартире, врубал отцовский магнитофон и вместо супа доедал остатки с «барского стола» – чуть зачерствевшие пирожки, квадратики студня, селедку «под шубой» и одиноко плавающие на дне трехлитровой банки маринованные помидоры.

Жизнь была прекрасна – что и говорить!

После такого сказочного обеда Алексей заваливался на отцовский диван и быстро засыпал. Проснувшись, бежал во двор, к мальчишкам. Погонять мяч. За уроки садился только к вечеру, к приходу родителей.

Летом иногда ездили на дачу в Валентиновку. Дача тоже была деда и бабки Анны. Стояла она запущенная, одряхлев-

шая – никто особенно ею и не пользовался. Большой участок густо зарос бузиной и осокой, яблони переродились, и толку от них было мало – одна только тень и прохлада.

Родители были людьми не дачными: мать говорила, что мыть посуду в тазике – морока и унижение. Дом был сырой, с продувными, щелястыми окнами. Печка давно осыпалась и рассохлась – ее требовалось подлатать, замазать щели и побелить. Но... Заниматься всем этим «хозяйством», как раздраженно называл дачу отец, никому не хотелось.

Приезжали в субботу, а уже в воскресенье утром родители начинали торопливо и нервно собираться в Москву.

А ему – ему хотелось остаться! За участком было огромное футбольное поле и большое костровище – там собиралась дачная молодежь. Гоняли в футбол, разжигали огромный костер, пекли картошку, пели песни, гомонили, смеялись – до рассвета, до самого утра. Расходились по домам только часам к пяти.

Алексей тоскливо поглядывал на честную компанию и тяжело и обреченно вздыхал – он не был ни с кем знаком, так получилось.

А подойти к ребятам смелости не хватало – робел.

С дачи Алексей всегда уезжал с сожалением и какой-то легкой и непонятной ему грустью. Словно опять не оправдались надежды – какие, правда, он не совсем понимал.

Так продолжалось три года. До самого рождения Тёпы.

Пока мать ходила беременная, Алексей нервничал. Ко-

нечно, ему хотелось брата.

Алексей рисовал себе мысленно, как он защищает его во дворе и в школе, как учит собирать металлический конструктор – грузовики и подъемный кран.

Как читает брату книжки – свои любимые, разумеется.

Про рождение девчонки, сестры, Алексей и не думал. С девчонками ему было все непонятно. Совсем непонятно. Да и несолидно как-то – сестра!

Нет, «брат» звучит лучше! Да и что делать с девчонками? Он решительно этого не понимал. Глупость какая-то: куклы, пластмассовая посудка, бантики, рюшечки...

Алексей наблюдал за девчонками во дворе: сидят, дурочки, крошат в кастрюльки подорожник, помешивают ложечкой, а потом суют пластмассовой уродице в рот и еще приговаривают: «Кушай, Ира! А то отлуплю!»

Или на нитку нанизывают ягоды рябины, а потом хвалятся, чьи бусы лучше. Чушь какая!

Сплетничают, хихикают, хвастаются и вечно чего-то придумывают! Интриганки!

Всякие глупости, честное слово!

Что ему делать с сестрой? Нет, ерунда получается! Пусть будет брат!

Отец отвез маму в роддом в самом начале марта. Она почему-то странно прощалась с ним, будто уезжала навсегда. Плакала, прижимала его к себе и все время повторяла, чтобы он «был человеком».

Она часто шутила: «Баранкин, будь человеком!»

Был такой мультик. Но тогда она говорила серьезно, безо всяких шуток – так ему показалось.

Наконец отец оторвал ее от сына и, обняв за плечи, осторожно и нежно вывел за дверь.

У двери мать снова метнулась к сыну:

– Лешечка! – закричала она. – Суп в холодильнике, а тушеное мясо на балконе!

– Знаю, мам! – буркнул Алексей. – Ты мне уж сто раз говорила!

Мать разрыдалась, и отец даже прикрикнул на нее, что случилось совсем редко.

Мать положили, отец уехал на службу и каждый час звонил ему: «Лешка, ты как?»

Вечером, после работы, отец пришел хмурый и раздраженный. Ужинать отказался – не хочу.

Курил у окна и беспрестанно названивал в справочную родилки.

Сын ничего не спрашивал, помалкивал. Лишний раз раздражать отца не хотелось.

Гулять он не отпрашивался, сидел у себя и делал уроки.

Наконец услышал радостный вопль отца и выбежал из комнаты. У двери они столкнулись, и отец, счастливый, с трясущимися руками, крепко сжал его плечи и без конца повторял: «Слава богу, Лешка! Все окончилось, слава богу! И теперь, брат, у тебя есть сестра!»

Он отодвинулся от растерянного сына и внимательно посмотрел на него: «Слышишь, сестра! Девулька у нас родилась, Алексей!»

А он только мотнул головой – дескать, «понимаю, да... Ну, что делать – значит, сестра».

Разочарованию Алексея не было предела. Расстроился он до слез – ну, или почти до слез.

Отец удивился и даже растерялся:

– Ну что ты, Лешка?! Это ты из-за того, что не пацан, а девчонка?.. Ну и дурачок ты у меня! Из-за девчонки расстроился! Дурачок, честное слово! Это ж так здорово – ты что, не понял? Еще одна красавица в нашем доме прибавилась! Дееечка! – распевно произнес отец. – Лапочка, красавица! Как мама наша, уверяю тебя! А ты – ты защищать ее будешь! От всех невзгод. Так брату положено, ты понимаешь?

Алексей вздохнул и согласно кивнул: «А куда ж ее теперь? Не выкинешь же. Только защищать и осталось».

И отец, вытерев ладонью влажные глаза, счастливо и громко расхохотался.

Из роддома мать и сестру забирали через пять дней.

Мать была бледная, похудевшая и снова горячо обнимала Алексея и вглядывалась в его лицо, словно видела его впервые.

Девочку, его новоявленную сестру, положили на обеденный стол и распеленали.

И тут она совсем разочаровала Алексея: ножки и ручки тонюсенькие, хлипенькие. Личико сморщенное и ярко-красное. Глаза прищурены и бессмысленны. И волосики, очень темные и густые, были влажными, словно примазаны маслом.

Ему стало неприятно смотреть на младенца, и Алексей вышел из комнаты.

В комнату к нему зашел отец, сел на стул, вздохнул и сказал:

– Сын! Мы очень любим тебя! Очень, слышишь? Но... Девочку эту, твою сестру, мы тоже уже очень любим! Потому что... Нормальные родители любят своих детей! Одинаково любят – ты меня слышишь? И доченька наша еще будет красавицей! Все груднички, знаешь ли, выглядят сначала как-то... не очень. Ты тоже, брат, Аполлоном не был – ты уж прости! В общем... – отец встал и хлопнул себя по коленям. – В общем, еще как будешь ею гордиться! Помяни мое слово! Больше всех любить будешь эту... малявку!

«Ага, как же, – подумал Алексей, – больше всех! Ну, уж не больше мамы, наверняка!»

И он уверенно усмехнулся.

Сестру называли Наташей. Спрашивали и его, Алексея, мнение, но он невежливо отмахнулся: «Мне все равно! И вообще, в женских именах я ничего не понимаю. Наташа – значит Наташа!»

Она, конечно, ему мешала – громко орала по ночам, на-

пример. Он даже удивлялся: как из такого крошечного тельца вырываются такие отчаянные децибелы?

В ванной теперь всегда стоял в ожидании отца большой старый таз с замоченными пеленками.

Пеленки, конечно... воняли. А когда Алексей увидел на ползунках ярко-желтые, похожие на горчицу следы, его вообще чуть не вырвало.

Теперь у сестры глаза были открыты. Они оказались темно-синими, в обрамлении длинных черных ресниц.

Смотрела Наташка на все внимательно, изучающе – на люстру, потолок, подвешенные к кровати погремушки.

Близко он не подходил, изучал сестренку со стороны, поодаль.

А как-то все же пришлось подойти. Мама выскочила «на минутку» за хлебом и строго наказала: «Если Наташка начнет выступать – подойди и дай соску! Только руки помой, слышишь?»

Ну и, конечно, как назло, как только за матерью закрылась дверь, сестра развопилась.

Алексей нехотя подошел к кровати сестры, увидел ее сморщенное личико, искаженное гримасой рыданий, и грубо спросил: «Ну, что там у тебя случилось?»

Вдруг малышка замолчала, удивленно уставилась на него, и пару минут рассматривала его с интересом. А потом вдруг улыбнулась.

Улыбнулась широко, обнажив блестящие голые десны, и

радостно задрыгала ножками.

Брат тоже посмотрел на нее с удивлением – с большим удивлением, надо сказать. И увидел, что она очень хорошенькая – синеглазая, чуть курносая, с забавными ямочками на щеках.

Наташка и вправду была похожа на маму... Получается, отец его не обманул.

Считалось, что Алексей тоже похож на мать. Он подскочил к зеркалу и стал внимательно разглядывать себя.

Дааа... Похож. В смысле, он – на маму, и сестра – на нее же. Получается, что они с сестрой тоже похожи?..

Ну, совсем интересно!

Алексей снова подошел к кровати, и Наташка опять заулыбалась ему.

– Ну, – все так же грубовато произнес он. – Чего улыбишься?

И, взяв погремушку, погремел ею перед носом малышки.

В этот день все и переменилось. Теперь, возвращаясь из школы, Алексей торопливо мыл руки и бежал к ней, к своей сестренке. А она, едва увидев его, тут же прекращала любые свои притязания, и даже самый громкий плач внезапно прерывался.

Слезинки дрожали и блестели на круто загнутых густых ресничках, и снова улыбка «до ушей», как говорил он.

Когда Наташе исполнилось шесть месяцев, мать разрешила брать сестру на руки.

– Только осторожно! – каждый раз повторяла она. – Маленькие дети – они такие верткие! Не успеешь и охнуть, как она уже на полу окажется!

Но сестра не была верткой – на его неловко сложенных руках она сидела спокойно. А однажды положила головку на плечо брата, и Алексей почти задохнулся от внезапно накатившей нежности. И тогда впервые почувствовал и любовь, и ответственность за нее. И еще – какую-то смутную и тягучую, непонятную тревогу...

...Счастливая жизнь их семьи закончилась, когда Наташе исполнилось три года. Она заболела. Вначале это был обычный грипп. Переболели и отец, и мать. Держался только он, Алексей. Почему-то болезнь его пощадила.

И тут заболела сестра. Казалось бы, все прошло, как проходят простуды, всякие вирусы и даже противный и опасный грипп. Но через пару месяцев Наташка вдруг перестала вставать на ножки. Потом из ее ладони выпала чайная ложка, которой она ела кашу. Потом рука не удержала маленького пластмассового пупса. Дальше – зубную щетку... Мышцы маленькой девочки вдруг потеряли всякую силу – словно выключились из жизненного процесса.

И началось... Больницы, институты, всевозможные светила, предложенные знакомыми. Диагноз поставили почти сразу, но... Родители верить отказывались и продолжали свои бесконечные и изматывающие походы по врачам. А дальше –

по знахаркам и даже колдуньям.

Мать и отец сдали резко: мама перестала закрашивать появившуюся седину, делать завивку и маникюр. Она вообще махнула на себя рукой – по дому ходила в старом халате с проплешинами на локтях и карманах.

Отец тоже здорово сдал. Нещадно смолил на балконе, молчал и часто смотрел в одну точку.

В дом пришла беда. И самое страшное, что эта беда не имела конца – прогнозы на болезнь девочки были неутешительны. Навсегда... Какое страшное слово!..

Ходить не будет, держать ложку – вряд ли. Да, мозг не затронут. И речь в порядке, но... В доме появился тяжелобольной человек, беспомощный инвалид – это надо понять и принять.

Но принять такое было сложно. Порой казалось, что жизнь закончилась. Нет, конечно, она продолжалась. Казалось бы...

Но, это была совсем не та жизнь, которой они жили прежде. Смех из дома исчез – как не было. Поездки и отпуска не планировались. Теперь говорилось только о санаториях для Наташи. Окна не распахивались, как раньше. И в них не врывались свежий ветерок, запах весны, гомон улицы, перезвоны трамваев и пение птиц.

Мать стала всего бояться: свежего воздуха – не дай бог, Наташа простудится! Гостей – они потревожат покой дочери, да и вообще... Разве им сейчас до гостей?..

Теперь их гости – массажистка из поликлиники, медсестра, делающая Наташе уколы, и пожилой профессор-невролог, которому мать «доверяла».

Алексей тоже страдал. Вместе с родными. Конечно, ему было жалко мать и отца. Разумеется, он жалел эту девочку, свою сестру, которую уже успел полюбить. Ну, или почти полюбить. По крайней мере, он к ней привык.

Но еще больше он ее... стеснялся! В доме все, разумеется, знали: у Сосновских несчастье, дочь – инвалид. И за что им такое? Приличные люди, хорошая семья. Конечно, беда. И девочка славная – хорошенькая такая, синеглазая, улыбчивая. Ресницы стрелами, ямочки на щеках. Чудо, а не девочка! А такая беда...

«Нет в жизни справедливости, нет, – причитали старушки на лавочке у подъезда. – Какая была семья...»

Молодые молча отводили глаза. Пацанва во дворе и девочки смотрели на него, Лешку, с сочувствием – вот ведь не повезло!.. Но молчали. Никто никогда ничего не спросил – за это спасибо.

Позже, когда Алексею исполнилось лет четырнадцать, стыд и неловкость отошли – наверное, повзрослел. Теперь он был готов защищать, оберегать, обороняться ото всех, кто может обидеть, затронуть его женщин – маму и Тёпу, его сестру.

Кстати, Тёпой назвал ее Алексей, когда она как-то не удержала в руке легкую пластмассовую кружечку с киселем. К

тому времени они уже многого добились: сестренка самостоятельно ела, держала вилку и ложку, могла отломить кусочек хлеба и удерживать чашку с холодным (горячий чай давать ей пока боялись – вдруг разольет, обожжется?).

Алексей вздохнул, взял тряпку и стал подтирать, приговаривая: «Эх ты, Тёпа-растепя! Ну, не реви! Это всего лишь кисель!..»

И она улыбнулась: «Вот точно – Тёпа-растепя! И как вы меня еще терпите?..»

Алексей поднял глаза и увидел слезы, которые катились по ее щеке:

– Да ладно тебе, Наташка! Делов-то – с копейку!

Она кивнула и отвернулась.

И в этот момент у Алексея впервые в жизни заболело сердце. И еще он понял, что девочку эту, свою сестру, свою Тёпу-растепу, он никогда не оставит. Никогда и ни за что! Потому что...

Да что говорить...

Человек ко всему привыкает. Даже к самому сложному положению дел. Приспосабливается. Конечно, вся жизнь их семьи была по-прежнему завязана на Тёпе и ее болезни. И прежней жизни, как оказалось – совершенно беззаботной и радостной, – у них уже больше не будет никогда. Но... жили. Жили в новых обстоятельствах, приноровились, как говорится.

Мать боролась с болезнью дочери самоотверженно, как любая хорошая мать. На себя она давно махнула рукой. Теперь быт, удобства, распорядок – весь хронометраж их жизни подчинялся только болезни.

Летом мать и сестра уезжали в санаторий – на грязи. Наташка и вправду приезжала окрепшая, порозовевшая. Хвасталась своими успехами: как ловко она держит ложку, как сама надевает футболку, как расчесывает волосы.

Наташа много читала. И Алексей таскал ей книжки из школьной и районной библиотек.

Когда ей исполнилось двенадцать, купили коляску – выносить девочку на руках стало уже тяжело.

Алексей спускал коляску по лестнице – в лифт она не входила, – а сестру сажал на спину и таким образом они заходили в лифт.

Наташка дула ему в ухо, а он кричал на нее и грозил уронить.

Им было смешно. На улице брат аккуратно усаживал сестренку на ее «трон» и вез по улицам. Они любили ездить к метро – за мороженым и пирожками.

Уезжали далеко от дома, и мать про это не знала.

Потом это стало привычным. Алексей возил сестру в центр – на Арбат и на улицу Горького. Наташа любила поглазеть на людей и витрины. Это называлось у них выходом в свет.

Алексей видел, как она рассматривает молодых девчонок,

своих ровесниц, пробегающих мимо. Громко смеющихся, нарядных и ярко покрашенных. И видел, как грустнеют ее глаза.

И у него опять начинало щемить сердце. От жалости и от любви.

Они делали передышку в каком-нибудь сквере, ели мороженое, крошили голубям белую булку, разглядывали прохожих и болтали о жизни.

Им было хорошо друг с другом. И никогда не бывало скучно.

Учителя приходили на дом. Наташка училась самоотверженно: старательно делала домашние задания, сама билась над сложными задачками.

Все в голос твердили: девочка повышенных способностей! Просто талант, да и только! Ну, почти во всех областях. И горестно вздыхали: поистине, бодливой корове бог рога не дает!..

В десятом классе Алексей твердо решил поступать в медицинский. Конечно, из-за сестры. Ну, или частично из-за сестры. Обосновал свое решение так: в доме всегда будет медик, знающий человек. Ну, и если что...

Мать грустно усмехнулась:

– Лешка! Ты что, собираешься с нами всю жизнь колушаться? Ну, ты дурачок!.. Какой врач в доме? Ты же женишься, у тебя будет семья! И врачевать ты будешь уже в своем

доме. Впрочем, если решил – тогда действуй! Сыном-врачом я буду только гордиться!

А однажды Тёпа горячо прошептала ему в ухо: «Становись скорее доктором, Лешка! Может, хоть ты меня вылечишь!...»

Он чуть не заплакал тогда! И как только сдержался?... Как сумел проглотить тугой комок в горле – не понял и сам.

Ну, и за дело! Алексей начал готовиться. К тому же химия и биология были его любимыми предметами.

...Во второй мед он поступил – правда, с натяжкой: не знали до последнего – пройдет или нет. Не хватало полбалла. Но в последний момент все благополучно разрешилось.

Именно там, в институте, Алексей встретил Надю – в ее дурацкой и неудобной юбке. Влюбился сразу и насмерть – больше ни на кого смотреть не хотел. Учился хорошо, но звезд с неба не хватал, честно говоря. Да и в какой-то момент понял: хирургия – в любом ее проявлении – точно не для него. Не то чтобы он падал в обморок при виде крови или задыхался в анатомичке – нет, этого не было. А просто... Ну, как объяснить? Просто не для него была хирургия. А он – не для нее.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.